

САНДРА БРАУН

Последний вечер

#1

NEW YORK TIMES
BESTSELLING
AUTHOR

Сандра Браун
Последний вечер

«ЭКСМО»

1983

Браун С.

Последний вечер / С. Браун — «Эксмо», 1983

Грант Чепмен, молодой обаятельный преподаватель политологии, имеет скандальную известность. Во всем университете нет личности более яркой и загадочной, чем он. По слухам, Грант стал причиной самоубийства дочери сенатора. Но его новая студентка Шелли Браунинг не верит в сплетни. Десять лет назад, будучи еще ученицей старших классов, она была знакома с Грантом и до сих пор помнит о вечерах, которые они проводили вместе. Воспоминания Шелли могут стать ключом к разгадке его тайны. Но стоит ли ворошить прошлое? Книга также выходила под названием «Трудный выбор».

© Браун С., 1983

© Эксмо, 1983

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сандра Браун Последний вечер

Sandra Brown

A KISS REMEMBERED

By arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc. And Prava I Perevodi, Ltd.

Translated from the English A Kiss Remembered © 1983 by Erin St. Claire.

First published in the United States under the pseudonym Erin St. Claire by Silhouette, New York.

Reissued in 1994 under the name Sandra Brown by Warner Books / Grand Central Publishing, New York

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

В аудитории она специально выбрала место в самом последнем ряду, чтобы украдкой поглядывать на него. Удивительно, как мало он изменился! За те десять лет, что они не виделись, он стал еще более привлекательным мужчиной. Уже тогда, в свои двадцать лет, по всем признакам со временем он должен был превратиться в сексуального харизматичного мужчину – теперь же можно было с уверенностью сказать, что он оправдал все самые смелые ожидания противоположного пола.

Шелли скрипела ручкой в блокноте, машинально делая пометки по ходу лекции. Шла вторая неделя осеннего семестра, а преподаватель уже углубился в темы, которые хотел охватить к Рождеству, к итоговому экзамену. Студенты слушали его сосредоточенно, с большим вниманием.

Лекции по политологии проходили в одном из самых старых зданий университета. Увитые густым благородным плющом стены уместнее смотрелись бы в научном городке престижного Бостонского университета, чем на северо-востоке Оклахомы. Красный кирпич выдавал солидный возраст здания, деревянные половицы приятно поскрипывали, а высокие потолки тихих коридоров создавали спокойную атмосферу, которая так нравилась студентам.

Преподаватель Грант Чапман прислонился к громоздкому письменному столу из массива дуба, на который опирались профессора университета вот уже более тридцати лет, что, впрочем, не помешало столу сохранить превосходный вид.

«Как и мистеру Чапману», – подумала Шелли. Он был таким же крепким и мускулистым, как и десять лет назад, когда играл в преподавательской команде против школьников. В спортивных шортах и майке он был неотразим и заставлял девичьи сердца трепетать – Грант Чапман сводил с ума всех девчонок из средней школы Пошман Велли. Без исключения. В том числе ее, Шелли Браунинг.

Годы отточили ровные мускулы профессора, придав им зрелую силу. Серебряные нити подчеркивали цвет густых темных волос, лежащих так же небрежно, как прежде. В средней школе Пошман Велли существовало строгое правило насчет длины волос, и симпатичный молодой учитель обществоведения был одним из самых частых его нарушителей.

Шелли отлично помнила день, когда впервые услышала о Гранте Чапмане.

– Шелли, Шелли, у нас новый учитель обществоведения. Потрясающий! Скоро сама увидишь!

Ее подруга покраснелась от восторга: она бежала, спеша поделиться новостями. Первый учебный день после летних каникул – и вдруг такой сюрприз!

– Мистер Чапман будет у нас на втором уроке. Боже, он сказочно красив! К тому же, когда ты говоришь про «Чикаго», он понимает, что речь не о городе в Иллинойсе. Совсем молодой! Такой лапочка! Похоже, на обществоведении будет весело. – Восторженно взвизгнув, девочка побежала прочь, чтобы поделиться радостным известием с кем-нибудь еще.

– Кстати, его зовут Грант, – бросила она через плечо, проносясь мимо.

Теперь Шелли наслаждалась тем, как звучит его глубокий голос – Чапман отвечал на вопрос, заданный кем-то из студентов. Но подробнейший ответ запомнился ей не лучше вопроса. Шелли волновали лишь звуки его голоса. Склонившись над партой и невольно закрыв глаза, она вспомнила, как впервые услышала низкий тембр хорошо поставленного голоса.

– Браунинг... Шелли? Здесь?

Сердце девочки ушло в пятки. Кто бы обрадовался, если бы его вызвали к доске в первый учебный день года? На Шелли уставилось двадцать пар любопытных глаз. Она подняла дрожащую руку.

– Я здесь, сэр.

– Мисс Браунинг, первый звонок не успел отзвенеть, а вы уже успели потерять тренировочные шорты. Можете забрать их в раздевалке для девочек. Мисс Вирджил просила передать вам эту ценную информацию.

Класс разразился смехом, со всех сторон послышались свист и улюлюканье. Шелли промямлила слова благодарности, ее щеки пылали. Теперь новый учитель подумает, что она рассеянная дуручка. Как ни странно, его мнение волновало ее гораздо сильнее, чем реакция ровесников.

В тот день он остановил ее у дверей класса, когда она собралась уходить.

– Послушай, Шелли. Не принимай все близко к сердцу. Прости, что отчитал тебя при всех сегодня, – извинился он. Ее подруги стояли рядом, наблюдая за диалогом с удивлением и завистью.

– Все в порядке, – робко ответила Шелли.

– Вовсе нет. Я перегнул палку и выставил тебя посмешищем. Это не нарочно. Теперь придется подарить тебе пять дополнительных баллов на первом экзамене.

Обещанные пять баллов ей так и негодились: на первом экзамене Шелли получила сто баллов, как и на большинстве последующих. В том семестре обществоведение стало ее любимым предметом.

– Вы имеете в виду до или после Вьетнама? – тем временем уточнял мистер Чапман у студента, спросившего о влиянии общественного мнения на решения президента США.

Шелли вернулась в реальность. Скорее всего, он давно позабыл ту историю с Шелли Браунинг и ее потерянными шортами. Она сомневалась, что он вообще помнил те недолгие четыре месяца, что работал в средней школе Пошман Велли. Особенно после всего, что случилось потом. Чувствительность – плохой помощник в тяжелые времена. Грант Чапман пережил публичный скандал, и вряд ли в его памяти задержалось воспоминание о незначительном происшествии, случившемся много лет назад на уроке в маленьком фермерском городке.

Она же, как ни старалась, не могла выкинуть образ учителя из головы. Возможно, именно поэтому сейчас ей казалось, что он почти не изменился. Она часто видела его по телевизору, пока репортеры охотились за ним, надеясь, что он прокомментирует скандал, потрясший весь Вашингтон. Она разглядывала его фотографии в заголовках газет. Даже на неудачных газетных снимках его лицо было столь же прекрасно, как в ее воспоминаниях.

Шелли была уверена, что он ее не узнает. В шестнадцать она была худощавым подростком. Теперь же, не утратив стройности, ее фигура стала мягче, округлилась – Шелли стала чуть полнее, но гораздо женственнее. За эти годы детская припухлость ушла с ее лица, черты которого заострились. Высокие скулы подчеркивали выразительные серо-голубые глаза.

Исчезла и длинная челка, которую она носила в школе. Теперь волосы были аккуратно убраны назад, открывая взору точеные линии бровей и деликатную линию роста волос в форме сердечка. Натуральная брюнетка, счастливая обладательница густых волос изумительного оттенка темного красного вина, чуть подсвеченного солнцем, струящихся по плечам. Вот какой стала Шелли.

Круглощечкая невинная девочка в костюме группы поддержки безвозвратно исчезла. Шелли слишком хорошо усвоила уроки жизни, убедившись на собственном опыте, насколько несправедлив и эгоистичен может быть мир. Грант Чапман тоже знал об этом не понаслышке. Они были уже не те, что десять лет назад, и Шелли тысячу раз задавала себе вопрос, зачем она записалась на его лекции.

– Рассмотрим, какую позицию занимал в то время президент Джонсон, – продолжил лекцию Чапман.

Шелли глянула на часы. От занятия осталось всего пятнадцать минут, а она успела записать всего две строчки. Если она не возьмет себя в руки, то вряд ли сумеет блеснуть на экзамене по политологии, как на обществознании в тот первый школьный семестр.

Воспоминания снова переместили ее в прошлое, в холодный, промозглый день, когда подули первые зимние ветры.

– А что, если я попрошу тебя помочь мне с проверочными? Всего-то несколько дней в неделю. Сможешь? – спросил он.

На ней была кожаная куртка ее тогдашнего парня, и руки в глубоких рукавах крепко сжались в кулаки. Мистер Чапман поймал ее во дворе, между спортзалом и учебным корпусом. Волосы до воротника, немного длиннее, чем позволяли правила, хлестали его по лицу. Одетый лишь в легкую спортивную куртку, он сгибался под северным ветром.

– Разумеется, ты можешь и отказаться...

– Нет-нет, – поспешно возразила она и облизала губы, надеясь, что они не выглядят обветренными и сухими, – я с удовольствием. Раз вы считаете, что я справлюсь.

– Ты моя лучшая ученица. Признаю, твой доклад по судебной системе США был великолепен.

– Спасибо. – Она покраснела, сердце бешено колотилось. Это всего лишь учитель. Просто учитель. Ну, ладно, не *просто* учитель.

– Ты бы могла проверять тесты, а я – читать эссе. Это сэкономило бы мне кучу времени по вечерам.

Интересно, как он проводит вечера? Встречается с женщинами? Многие девочки задавались этим вопросом перед сном. Но Шелли ни разу не встречала мистера Чапмана с какой-нибудь девушкой в городе.

Однажды вечером Браунинги всей семьей отправились ужинать в ресторан «Вэгон Виллз», и она увидела там его. Он был один. Когда он заговорил с ней, Шелли чуть не упала замертво. Она смущенно представила его родителям, и он встал, чтобы пожать руку ее отцу. Когда ее беспокойное семейство наконец-то уселось, ее младший брат разлил молоко, за что ей захотелось придушить его своими руками. Но когда Шелли рискнула обернуться в сторону столика мистера Чапмана, там было пусто – учитель уже ушел.

– Хорошо. По каким дням?

Он шурился от яркого света – несмотря на холод, солнце сияло ослепительно. Шелли никак не могла понять, какого цвета у него глаза – серые, зеленые или что-то среднее, но ей нравилось, как сгибались темные ресницы, когда он прищурился.

– Сама скажи, – засмеялся он.

– Ну, по четвергам у нас занятия в группе поддержки, потому что по пятницам – баскетбольные матчи.

Тупица! Он прекрасно знает, когда матчи.

– По вторникам у меня фортепьяно.

Думаешь, ему это интересно, Шелли?

– Кажется, лучше всего – понедельник и среда.

– Отлично, – сказал он. – Брр, здесь холодно. Давай зайдем внутрь.

Она чуть не споткнулась о собственные нетвердые ноги, когда он неожиданно взял ее за локоть и отвел ко входу в здание. За ними с грохотом захлопнулась железная дверь, и у нее в голове промелькнуло, что тело не слушается и вмиг растаяло от его прикосновения. Она не поделилась этим открытием ни с кем из подруг. Тогда этот секрет казался слишком драгоценным, чтобы его рассказывать.

Тихие вечера в его классе стали центром всей ее жизни. Она страдала в те дни, когда к нему не ходила, и страдала, когда ходила – пока не звенел последний звонок. Она старалась не слишком быстро бежать по опустевшим коридорам, но часто сбивалась с дыхания, когда подходила к кабинету. Иногда учителя не было на месте, но он всегда оставлял стопку бумаг с указаниями. Она проверяла работы одноклассников с небывалым усердием. Если он присоединялся, то часто угощал ее содовой.

Однажды, когда она сидела за столом и проверяла работы красным карандашом, он поднялся с места. Оторвавшись от чтения неразборчивой работы, снял свитер через голову.

– По-моему, система отопления работает слишком сильно. В этой школе никто не экономит энергию.

В тот момент она даже не смогла оценить его гражданскую сознательность – он ее ослепил. Он сплел пальцы, вывернул ладони и потянулся, подняв руки над головой и выгнув спину. Ее заворожила игра мускулов под его рубашкой из мягкого хлопка. Он глубоко вздохнул, опустил руки и начал вращать плечами, пытаясь их расслабить.

Красный карандаш выпал из пальцев оцепеневшей Шелли. Девочке казалось, что она вот-вот расплавится и растечется по парте. Ей стало душно, и дело было вовсе не в показаниях термостата на стене.

В тот день она покинула класс в замешательстве. Она так хотела быть рядом с ним, но вынуждена была бежать. Но от вспышки эмоций некуда скрыться, смятение сжимало ее изнутри. Это было совершенно новое ощущение, и опыт предыдущих отношений не мог ее к этому подготовить. Тогда Шелли не осознавала, что это такое. Лишь со временем, уже повзрослев, она смогла объяснить, что почувствовала в тот вечер влечение.

В те дни, поздней осенью, он был очень дружелюбен. Когда бойфренд забирал ее после тренировки, чтобы отвезти домой на своем подлатанном стареньком «Кугуаре», мистер Чапман кричал им вслед: «Хорошего вечера!»

– К следующей сессии советую прочитать первые три главы учебника. Скука смертная, но это станет хорошей базой.

Его слова вывели Шелли из оцепенения. Он оперся одним бедром на край парты – откровенно сексуальная поза. Шелли сомневалась, что хотя бы одна из присутствующих девушек могла устоять перед его невероятной мужественностью. Нужно быть либо слепой, либо старой, чтобы не поддаться его чарам, а таких Шелли среди присутствующих не увидела.

Напротив, всем присутствующим на лекции девушкам было около двадцати. Высокие упругие груди свободно тряслись под футболками, а красивые подтянутые бедра были затянуты в фирменные джинсы. У всех девушек были длинные растрепанные волосы каштановых, рыжеватых и золотистых оттенков. Рядом с ними Шелли почувствовала себя старой и плохо одетой растрепой.

А ведь так и есть, напомнила она себе. На ней был свитер красного клюквенного оттенка, вниз она поддела бюстгальтер. Свитер подходил по цвету к плотным колготкам и интересным образом сочетался с серой шерстяной юбкой ниже колена. Шелли хотя бы умела одеваться в своем стиле и не носила синтетику.

В свои двадцать шесть Шелли оказалась второй по старшинству в группе. На первом ряду сидел серьезный седовласый мужчина. Он все подробно записывал, в то время как сосед Шелли, молодой человек в ковбойской шляпе, мирно дремал на протяжении всего часа.

– До свидания, – сказал мистер Чапман, когда прозвенел звонок. – Ах да, миссис Робинс, не могли бы вы подойти ко мне?

История повторялась.

Шелли даже выронила из рук стопку книг, которые она собирала, когда преподаватель озвучил просьбу. Остальные сорок студентов заинтересовались куда меньше, чем когда-то ее одноклассники в Пошман Велли, и покинули аудиторию: большинство из них собиралось выкурить первую за полтора часа сигарету.

Опустив голову, она сосредоточилась на лабиринте парт, куда менее аккуратном, чем в школьном классе десять лет назад. Краем глаза увидела, что аудиторию покинул последний студент. Небрежно закрытая дверь громко хлопнула. И Шелли подавила внезапный порыв: чуть не попросила оставить дверь открытой.

Уже подойдя к столу, она больше не могла избегать его взгляда, подняла с глаз покров темных ресниц и впервые за десять лет открыто посмотрела в глаза Гранту Чапману.

– Привет, Шелли.

Она шумно охнула. Во всяком случае, почувствовала, как внутри нее поднялся мягкий вздох, и надеялась, что вовремя успела его подавить.

– Здравствуйте, мистер Чапман.

У него в груди родился тихий смех, но он тоже смог с ним справиться. На широких чувственных губах заиграла легкая улыбка, но глаза сосредоточенно рассматривали лицо Шелли. Ее волосы, испуганные глаза, узкий изящный носик, губы. Его взгляд надолго задержался на губах Шелли, и она их нервно облизнула, за что сразу себя прокляла.

В комнате было пугающе тихо. Грант отошел от стола и встал перед ней. Он всегда казался ей очень высоким. Но это не пугало, а, наоборот, вселяло уверенность.

– Я... Я не думала, что вы меня узнаете.

– Я узнал тебя в первый же день.

На таком расстоянии его голос казался хриплым. Во время лекций Чапман говорил иначе, полностью контролируя голос, словно пряча оттенки эмоций, которые теперь выводили ее из равновесия.

– Я уже подумал, что ты так и не поздороваяешься со мной до конца семестра.

Ироничный тон стер прошедшие десять лет в одночасье, и она почувствовала себя такой же юной и неопытной, как в первый день их встречи.

– Что я могу сказать в свое оправдание? Не хотела докучать вам разговорами и давними воспоминаниями. Боялась поставить в неудобное положение.

– Спасибо за заботу, но это совершенно ни к чему. Я тебя прекрасно помню.

Чапман продолжал пристально изучать ее лицо – интересно, думала она, годы пошли ей на пользу или наоборот? Вряд ли она утратила какую-либо привлекательность, но в чем она была абсолютно уверена, так это в том, что уже совсем не похожа на ту скромную девочку, которая лихорадочно проверяла контрольные работы по обществоведению.

Догадывался ли он о ее страстной влюбленности? Обсуждал ли со своей подругой?

– Ты бы видела, как она сидит, с таким старательным и правильным видом, а ладони потеют. Стоит мне пошевелиться, подскакивает, словно испуганный кролик.

Она представила, как он сочувственно качает головой и смеется.

– Шелли?

Мужской голос вырвал ее из неприятных раздумий, произнося ее имя таким тоном, будто ему пришлось повторить не первый раз.

– Да? – тихо ответила она. Почему кислорода вдруг стало так мало?

– Я спросил, давно ли ты стала миссис Робинс.

– А, да, семь лет назад. Но я вот уже два года как *не* миссис Робинс.

Его брови, немного лохматые и вполне мужественные, поднялись в немом вопросе.

– Долгая, скучная история.

Она была не в силах оторвать взгляд от своих кожаных туфель на невысоком каблуке.

– Мы с доктором Робинсом расстались пару лет назад. Тогда я решила вернуться к учебе.

– Но это лекции для студентов.

Потертые джинсы, ковбойские ботинки и спортивный пиджак смотрелись бы на любом другом мужчине как нелепое подражание киногероям, но Грант Чапман выглядел потрясающе. Может, дело было в расстегнутых пуговицах хлопковой рубашки и темных волосах на груди?

Она заставила себя перевести взгляд и ответить на его вопрос:

– А я и есть студентка.

У нее наверняка прибавилось бы уверенности в себе, если бы она могла в этот момент взглянуть на себя со стороны и увидела, какая у нее восхитительная улыбка. Последние два года ей нечасто приходилось искренне улыбаться.

Похоже, Гранта Чапмана заинтриговала перемена, произошедшая с ее лицом. Он не сразу нашелся, что ответить.

– Я подумал, раз ты была такой прилежной ученицей, то должна была поступить в университет сразу после школы.

– Так и было. Я поступила в Оклахомский университет, но, – она отвела взгляд, вспомнив первый семестр в Нормане, когда она встретила Дерила Робинса и ее жизнь круто изменилась, – так уж вышло, – туманно закончила она.

– Как дела в Пошман Велли? Я не бывал там сто лет, наверное... С тех пор, как уехал. Боже, прошло уже...

– Десять лет, – выпалила Шелли и тут же прикусила язык. Это прозвучало, словно отличница ответила на вопрос учителя. – Около того, – с нарочитой небрежностью добавила она.

– Да, ведь я отправился в Вашингтон прямо оттуда. Уехал до конца учебного года.

Шелли отвела взгляд. Наверное, уже началась следующая лекция. По дорожкам за окном прогуливалось всего несколько студентов.

Ей было тяжело вспоминать о его отъезде. Он ничего и не вспомнит, а она пытается забыть этот кошмар уже десять лет.

– В Пошман Велли ничего не меняется. Я частенько езжу туда повидаться с близкими. Они все еще живут там. Брат преподает в школе математику и работает тренером по футболу.

– Шутишь! – рассмеялся он.

– Он женился, уже двое детей. – Она поудобнее взялась за книги, прижав их к груди. Он наклонился, забрал у нее стопку и положил на стол позади себя. Теперь ей нечем было занять руки, и она неловко положила их на талию, надеясь, что он не догадается, как ей неудобно стоять перед ним.

– Ты живешь здесь?

– Да. Арендвала маленький домик, когда поступила на дневное.

– Старинный?

– Как вы догадались?

– Здесь их много. Очаровательный старинный городок. Напоминает мне Джорджтаун. Я там жил, пока работал в Вашингтоне последние несколько лет.

– Ясно. – Она почувствовала себя ужасно неуклюжей. Он был на короткой ноге с элитой, красивыми, могущественными людьми. Должно быть, в его глазах она настоящая провинциалка.

Она дернулась в сторону книг.

– Не хочу вас...

– Ерунда. У меня на сегодня все. Собираюсь пойти выпить чашечку кофе. Не присоединись?

Ее сердце бешено колотилось.

– Спасибо, мистер Чапман, но я...

Его смехок поставил ее в тупик.

– Шелли, ты вполне можешь просто называть меня по имени и обращаться на «ты». Мы уже не в школе.

– Да, но вы все еще мой учитель, – напомнила она ему, немного возмущенная его смехом.

– И я этому очень рад. Ты украшаешь аудиторию. Стала красивее, чем когда-либо.

О, господи! Лучше бы он снова засмеялся. Все проще, чем выдерживать его изучающий взгляд.

– Только пожалуйста, не записывай меня в коллежские профессора. При слове «профессор» на ум сразу приходит рассеянный старик с копной седых волос, который обшаривает карманы мешковатого твидового пальто в поисках очков, красующихся на его собственном лбу.

Она прыснула со смеха.

– Тебе стоит преподавать курс литературного мастерства. Очень живописный словесный портрет получился.

– Значит, ты меня услышала. Пожалуйста, называй меня Грант.

– Я попробую, – пообещала она.

– Так давай.

Она почувствовала себя маленькой девочкой, которой впервые предстоит рассказать на утреннике стишок.

– Я правда...

– Давай, – упорствовал он.

– Хорошо, – со вздохом сдалась Шелли, – Грант. – Его имя слетело с губ куда легче, чем ей казалось. Ведь во всех своих фантазиях последние десять лет она называла его по имени.

– Грант, Грант, – повторила она.

– Видишь? Уже гораздо лучше! А теперь как насчет кофе? У тебя ведь больше нет сегодня занятий? Даже если есть, ты уже опоздала, так что...

Она засомневалась.

– Я не...

– Конечно, если ты не боишься себя скомпрометировать в моей компании.

Голос дрогнул, и Шелли не удержалась и посмотрела Чапману прямо в глаза. Он говорил тихо, но в словах звучала явно различимая горечь.

Она сразу поняла, что он имеет в виду.

– Ты имеешь в виду то, что случилось в Вашингтоне?

Вместо ответа он молча пронзил ее взглядом серо-зеленых глаз, и она покачала головой:

– Нет, что вы, мистер... Что ты, Грант. Это здесь ни при чем.

Ее удивило, насколько явным оказалось его облегчение.

– Отлично, – он потянулся, проведя пальцами по волосам, – пойдём поищем, где в этом городке варят приличный кофе.

Если бы красноречивый взгляд и мальчишеский жест не убедили ее последовать за ним, настойчивость все равно бы сделала свое дело.

– Ну, что ж... Пойдем, – услышала она собственный ответ, толком не успев принять осознанного решения.

Он улыбнулся, повернулся, чтобы забрать ее стопку книг и свою папку, и повел ее к двери. У выхода он потянулся через ее спину, чтобы выключить свет. Она на мгновение ощутила на спине его руку и задержала дыхание.

Его рука на долю секунды задержалась у ее шеи и опустилась на лопатки. Это был просто жест вежливости, но тепло его руки жгло ей спину, пока они шли через территорию.

Кафе – центр общественной жизни каждого университета страны – было шумным, прокуренным и забитым до отказа. Нил Даймонд сокрушался о своем одиночестве из колонок, очень предусмотрительно расположенных под потолком. Студенты всех мастей, от богатеньких мальчиков и пай-девочек из элитных женских гимназий до бородатых интеллектуалов и мускулистых качков, плавались в общем котле застольной неразберихи.

Грант взял ее за руку и повел к относительно уединенному столику в дальнем углу заведения. Они заняли свободные места, он наклонился к ней через стол и театральным шепотом заметил:

– Надеюсь, мне не придется показывать паспорт.

Увидев в ее глазах удивление, он пояснил:

– Не думаю, что тут рады тем, кому за тридцать.

Она засмеялась, и он хлопнул себя ладонью по лбу:

– Боже мой, да тебе, наверное, даже тридцати нет! Почему я все чаще чувствую себя седовласым дряхлым профессором?

Мимо проскочил официант, но Грант успел выкрикнуть ему:

– Два кофе.

– Сливки? – удаляясь, спросил через плечо официант.

– Сливки? – спросил у нее Грант. Она кивнула.

– Да, – прокричал он официанту. – Когда мы виделись в последний раз, ты была слишком юна даже для кофе, да? – обратился он к ней.

Она покачала головой, не особо прислушиваясь к вопросу. Было непросто преодолеть себя и не пялиться на него. Открытый вырез рубашки все время ее смущал. Дерил Робинс считал себя воплощением мужественности, но у него на груди рос лишь клочок светлых волос, а сейчас перед Шелли виднелся густой лес, растущий на загорелой коже. Желание дотронуться до него кончиками пальцев было так велико, что ей пришлось отвести взгляд.

Она огляделась вокруг, и ее подозрения подтвердились. Студентки пожирали Гранта глазами с нескрываемым вождением. Шелли стала объектом холодной оценки гипотетических соперниц. Грант Чапман был печально, опасно знаменит, редкая женщина могла устоять и не проявить любопытство к скандальной репутации. Шелли пыталась игнорировать повышенное внимание, вызванное их появлением, но бесстыдные взгляды в их сторону заставляли ее краснеть.

– Со временем и к этому привыкаешь, – мягко сказал он.

– Ты уже привык?

– Ну, не совсем. Пожалуй, к этому нельзя *привыкнуть*, но можно научиться жить, не обращая особого внимания.

Он гонял стеклянную пепельницу по полированной поверхности стола.

– Когда твое лицо регулярно появляется в блоке новостей на протяжении нескольких месяцев, последствия не заставят себя ждать. Хороший ты или плохой, злодей или жертва, виноват или невиновен – дурная слава следует за тобой по пятам. Ты словно под микроскопом. Личной жизни уже быть не может.

Пока торопливый официант подавал им кофе, она молчала. А когда налила в чашку сливки, горячо заверила:

– Они привыкнут к твоему присутствию. Новость, что ты присоединишься к факультету этой осенью, дошла до нас прошлой весной и распространилась стремительно, подобно урагану или пожару. Пройдет немного времени, и все успокоится.

– Да, аудитория на моих занятиях заполняется быстро. Но меня это не радует. Допускаю, что большинство студентов записалось на мой курс из банального любопытства. Видела, как сладко сегодня спал твой сосед, ковбой?

Она улыбнулась, обрадовавшись, что с его лица исчезло напряжение.

– Сомневаюсь, что он оценил нюансы модели принятия решений аппаратом президента, о которых ты упоминал в своей лекции.

Грант мельком ответил на ее улыбку и пристально посмотрел ей в глаза, смутив ее глубиной и настойчивостью взгляда.

– Почему ты записалась на мои лекции, Шелли?

Она было принялась считать кафельные плитки на полу, но решила, что молчание выдаст ее лучше слов, и как можно бодрее ответила:

– Потому что мне нужен зачет.

Он не обратил внимания на деланую несерьезность.

– Тоже из любопытства? Хотела узнать, не отрастил ли я рога и длинный хвост с нашей последней встречи?

– Что ты, – мягко возразила она, – конечно, нет.

– Было интересно, вспомню ли я тебя?

Он наклонился вперед, упершись локтями в край стола. Расстояние между ними сократилось, но она не отпрянула назад – наоборот, ей захотелось приблизиться.

– Я... Да, наверное. Я не думала, что ты вспомнишь. Это было так давно и...

– Хотела узнать, помню ли я тот вечер, когда мы поцеловались?

Глава 2

Шум кофейни заглушил шум крови, пульсирующей в ее ушах. Сердце беспомощно колотилось о ребра. Во рту пересохло.

– Шелли, посмотри на меня.

Нет, Шелли, не надо. Ты пропадешь. Он все поймет. Он узнает. Но глаза не повиновались лихорадочно соображающему мозгу. Она увидела собственное отражение в зеленоватой глубине усталых глаз, а потом морщинки на его грустном, растерянном лице.

– Никогда не забуду, как поцеловал тебя. А ты помнишь?

Она кивнула:

– Да.

У Шелли вдруг закружилась голова, она закрыла глаза и молилась, чтобы он оставил эту тему, перешел на какую-нибудь нейтральную, чтобы они снова могли поболтать легко и непринужденно. Она сомневалась, что ее сердце сумеет заново пережить мгновения того вечера, навсегда изменившего ее жизнь. Особенно теперь, когда Чапман сидел в нескольких дюймах от нее.

В одиночестве она вспоминала происшедшее бесконечное число раз. Ее память будоражил главный секрет, сокровище, которое она лелеяла годами и о котором не знал никто. Она берегла это воспоминание, не желая им делиться, наслаждаясь им. Но обсуждать с ним тот вечер, словно попасть на осмотр к врачу. Утаить ничего не получится. Она не в состоянии.

Но он был беспощаден:

– Это случилось после баскетбольного матча. Помнишь?

– Да, – ответила она с наигранным равнодушием, чтобы себя не выдать, – победила Пошман Велли.

– И все словно с ума посходили, – мягко продолжил он. – Группа раз десять исполнила гимн команды. Собрался весь город, все кричали и улюлюкали. Игроки подняли тренера в воздух и пронесли по залу.

Она прекрасно все помнила. Звуки. Запах попкорна. Как вибрировал под ногами пол, когда все подпрыгивали под музыку.

– Шелли, принеси победное знамя, – крикнула ей на ухо одна из девочек группы поддержки. Она кивнула и начала продираться сквозь толпу в сторону офиса, где они оставили знамя.

Шелли уже выходила из офиса со знаменем под мышкой, когда туда забежал мистер Чапман. Его отправили за подарком для победителей.

– Мистер Чапман! – пронзительно закричала Шелли и бросилась ему навстречу.

Победа обрадовала его так же сильно, как остальных. Он машинально обхватил ее за талию, поднял в воздух и закружил. Комната наполнилась смехом.

Поставив на землю, он не отпускал ее несколько лишних мгновений. Его руки должны были сразу упасть по сторонам, но он замешкался и продолжал сжимать ее в объятиях. Ситуация оказалась непредсказуемой, неуместной и явно незапланированной. Это мгновение стало для нее смертью и новым рождением. Шелли изменилась навсегда.

Изумление заглушило смех. Воцарилось молчание, слышался лишь отдаленный гул спортивного зала. Казалось, их сердца забились в унисон. Она чувствовала стук его сердца сквозь свой пуловер с буквами «ДП». Его крепкие бедра прижимались к ее ногам, голым под короткой шерстяной юбкой. Одной рукой он придерживал ее за талию, другую положил ей на спину. Их дыхание смешалось, его лицо незаметно опустилось к ней.

Они замерли, глядя друг на друга с немым изумлением. Он наклонил голову набок, словно что-то ударило его между глаз, но неясно, что именно.

Затем, словно вдруг осознав всю нелепость ситуации, он повернул голову к ней.

И прикоснулся губами к ее рту, нежно-нежно. Помедлил. Прижался к ее губам сильнее. Разъединил их. Она почувствовала кончик его языка. Между ними пробежал электрический разряд.

Он вдруг резко отпустил ее и сделал шаг назад. В ее испуганных глазах проступили слезы ужаса, сердце разрывалось от отвращения к себе.

– Шелли...

Она бросилась прочь.

Знамя было все еще зажато под мышкой, когда она выбежала из колледжа и бросилась к родительской машине. Взволнованные родители нашли ее через полчаса, свернувшейся калачиком на заднем сиденье машины, но не добились от нее вразумительных объяснений: она твердила, что плохо себя чувствует и хочет домой.

– Я тебя тогда ужасно напугал, – сказал Грант. Он к ней не прикасался, но его рука лежала на столе совсем рядом с ее рукой. Если он передвинет мизинец хотя бы на волосок, то дотронется до нее.

– Да, – пролепетала она ослабевшим голосом. – Я сказала родителям, что заболела, и провела в постели три дня рождественских праздников. – Шелли попыталась улыбнуться, но губы не слушались и предательски дрожали.

Измучившись в постели, смущенная и страдающая, тогда она не понимала, почему заходит сердце всякий раз, когда она вспоминает, что делали губы мистера Чапмана. Шелли всегда раздражало, когда ее бойфренд принимался жадно трогать ее на свиданиях. Но прикосновений мистера Чапмана хотелось еще и еще. Она мечтала о его ласках, нежных прикосновениях, поглаживаниях. Все тело горело от мысли, как он нежно прикасался бы к ее грудям, целовал их. Раздираемая противоречивыми чувствами, она вытирала беспрестанно катившиеся слезы подушкой. Умирала от ужаса и стыда.

– Не ты одна пришла в ужас. Я и сам тогда до чертиков испугался, – тихо признался Грант. Шелли посмотрела на него в замешательстве. Он невесело усмехнулся. – Представляешь, что общество крошечной Пошман Велли сделало бы с учителем, растлившим ученицу? В лучшем случае меня бы ожидала быстрая смерть. Слава богу, нас тогда никто не видел. В первую очередь это волной негодования накрыло бы тебя. Я мог уехать. Ты нет.

– Если я не ошибаюсь, ты уехал вскоре после этого.

Она до смерти боялась возвращаться в школу после тех каникул. Как она посмотрит ему в глаза? Но еще до первого урока она узнала, что мистер Чапман в школе больше не работает. Он уволился, чтобы занять должность консультанта Конгресса в Вашингтоне. Все знали, что он занимается преподаванием в ожидании места в столице, но были удивлены столь внезапным отъездом.

– Да. Отправился в Оклахому, докучал всем вокруг, пока мне наконец не подыскали работу. В школу я вернуться не мог.

– Почему?

Он пронзил ее зелеными глазами оттенка мха. Потом заговорил, тихо и страстно:

– Тогда ты была невинна, Шелли, но сейчас-то должна понимать истинные причины моего отъезда. Тот поцелуй был совсем не похож на братский. У меня и в мыслях никогда не было так к тебе прикасаться, тем более целовать. Поверь! У меня никогда не было развратных намерений ни к одной из учениц. Но когда ты оказалась у меня в объятьях, во мне что-то перевернулось. Это было похоже на солнечный удар! Ты перестала быть моей ученицей и превратилась в желанную женщину. Я сомневаюсь, что смог бы дальше воспринимать тебя как школьницу.

Шелли подумала, что сейчас умрет, в груди больно кольнуло. И она просидела, замерев, достаточно долго, сквозь пелену услышала его вопрос:

– Ты закончила? Еще кофе?

– Да. В смысле да, я закончила, но нет, спасибо, больше не надо.

– Пошли.

Он встал и придержал ее стул. Она быстро поднялась, стараясь к нему не прикасаться.

– Ух, – выдохнул он, толкая тяжелую дверь и пропуская ее наружу, – свежий воздух.

– Здравствуйте, мистер Чапман.

Какая-то студентка остановилась поговорить с ним по дороге в кафе с тремя подругами. Сильно накрашенные глаза, широкие полные губы, покрытые ярко-красным блеском, завитые волосы, уложенные в высокохудожественный беспорядок. Шелли заподозрила, что джинсы сшивали прямо на ней: ни одна молния не выдержит подобной нагрузки. Пышный бюст под трикотажным свитером не был обременен нижним бельем.

– Здравствуйте, мисс...

– Циммерман. Понедельник, среда и пятница, в два часа. Вчера была просто прекрасная лекция, – проворковала она, – я взяла в библиотеке книги, которые вы рекомендовали.

– А вы их прочитали?

Девушка на мгновение отвела взгляд, застигнутая вопросом врасплох. Затем томно улыбнулась, решив обратить все в шутку:

– Уже начала.

– Отлично. Когда закончите, буду рад услышать ваши впечатления.

– О, непременно поделюсь. Непременно.

Ее хитрый взгляд оценивающе скользнул по Шелли.

– Увидимся, – бросила она и отправилась в кафетерий.

Они прошли полквартиры по тротуару вдоль книжного магазина, когда Грант бесечно спросил:

– Без комментариев?

– По поводу? – уточнила она.

– Заинтересованности некоторых студентов.

Шелли посмотрела на него с нескрываемым сарказмом.

– Уверена, у мисс Циммерман множество увлечений, но сомневаюсь, что к ним относится схоластика...

Он засмеялся, взял ее за руку и повел дальше.

– Где твоя машина?

– Я сегодня пешком.

– Похвально. Куда идти?

Самым безопасным, разумным и простым решением было бы расстаться немедленно. Шелли Робинс всегда выбирала самый безопасный, разумный и простой путь. Остановившись и повернувшись к Гранту, протянула руку в знак прощания:

– Спасибо, я вполне могу дойти одна.

– Не сомневаюсь. Но я хочу проводить тебя.

– В этом нет необходимости.

– Кто спорит?

– Лучше не надо.

– Почему?

– Ты преподаватель, а я студентка, – сказала она, изо всех сил стараясь на расплакаться.

Слезы душили ее по непонятной ей самой причине.

– Как и прежде. Тебя это тревожит?

– Думаю, да. Да.

– С одной существенной разницей, Шелли. На этот раз мы оба взрослые люди.

Она молчала, прикусив нижнюю губу. Он воспользовался ее нерешительностью и усилил напор:

– Поверь, последнее, что мне нужно – это скандал. Меньше всего я хочу скомпрометировать тебя или себя.

– Поэтому нас не должны видеть вместе на территории университета.

Ее позиция в университете была, мягко говоря, нетвердой. Она не хотела рисковать. Помимо его проблем следует осознавать, чем его новое появление в ее жизни чревато для нее.

Нет. Она больше не попадет в эту ловушку. Это может окончательно разрушить ее жизнь. Зачем она вообще позволила ему заговорить о том поцелуе, она не понимала сама, но...

– Мне нужен друг, Шелли.

Она подняла голову, принялась разглядывать морщинки у его губ и глубокую борозду между бровей. Ему приходилось страдать, он познал несказанные страдания и мытарства. Если бы он сделал ей романтическое предложение, она бы отказала ему. Наверное. Возможно.

Но на простое, достойное сочувствия предложение дружбы ответить отказом было трудно. Он стал своего рода знаменитостью, да. Но еще он оказался жертвой собственной славы. Таким знаменитостям, как он, нелегко завести дружбу с простыми людьми, живущими обычной жизнью. Это было снобизмом наоборот. Несомненно, он одинок.

Она заглянула в привлекательные, умные глаза и увидела намек на неуверенность в себе.

– Хорошо, – мягко согласилась она и отправилась дальше. Он зашагал с ней в ногу.

– Какая у тебя специализация?

– Банковское дело.

Он резко остановился.

– *Банковское дело?*

Она тоже остановилась.

– Да, банковское дело. А что ты ожидал услышать? Домоводство? – в ее голосе послышалась нескрываемая резкость. Неожиданно он громко рассмеялся.

– Что ты! Я же не шовинист. Просто я не представляю тебя скучным банковским служащим в сером костюме.

– Надеюсь, такого не случится, – с облегчением вздохнула она. Они снова двинулись вперед. – Я хочу специализироваться на банковском деле, но привнести собственное видение. Во многих банках сейчас появились отделы, обслуживающие женщин. Среди клиенток банка большинство бизнес-леди, ведущих собственные дела, или разведенные, или вдовы, которым впервые приходится сталкиваться с денежными операциями. Часто они не знают элементарных вещей: как вести баланс, открыть сберегательный счет или взять кредит. Хочу разработать регламент работы служб банка с подобными клиентками.

– Искренне одобряю твою затею, – ответил он, положив руку на сердце, – отличная идея.

– Спасибо. – Она сделала реверанс.

На улице было пусто. Солнце село, и небо окрасилось в бледные оттенки индиго. Дубы и вязы росли по краям тротуара и шелестели отполированной прохладной осенней погодой листвой, создавая атмосферу интимности. И действительно, какая-то парочка не смогла противиться романтике, разлитой в воздухе.

Шаги Гранта и Шелли гулко звучали на потрескавшемся, заросшем мхом асфальте. Они приблизились к паре. Девушка прижалась спиной к стволу, юноша наклонился к ней. Он широко расставил ноги вокруг нее. Их головы были запрокинуты, губы соединились в поцелуе. Они крепко обнимали друг друга.

Шелли пристыженно косилась на них. Бедрa мужчины медленно колебались в такт поцелую, рука женщины опустилась ниже его талии, прижимая его ягодичи плотнее, словно требуя, чтобы он уступил ее желанию. Кровь хлынула Шелли в лицо, залила его яркой краской. Она рискнула краем глаза посмотреть на Гранта и со смущением обнаружила, что он внимательно

наблюдал за ее реакцией. Он криво улыбнулся и ускорил шаг, пока влюбленные не остались далеко позади.

– Ты работаешь? – спросил Грант, пытаясь разрядить обстановку.

– Нет. Я профессиональный студент. Решила посвятить все свое время и силы учебе. Я могу себе это позволить.

– Расчет наличными?

Она не любила обсуждать развод, но вопрос Гранта почему-то не задел ее. Горечь, что преследовала ее несколько месяцев после подписания бумаг, постепенно ослабла. Остались сожаления, но другого она и не ожидала.

– Да. Я не хотела жить за счет Дерила, но рассудила, что он должен мне образование. Мы пришли к решению, устроившему нас обоих.

– Можно спросить, что между вами произошло?

– Мы поженились по глупости и развелись через пять лет.

Они пересекли очередную пустынную улицу, и он спросил:

– Без подробностей?

Она посмотрела ему в глаза.

– Пожалуйста.

– Прости. Я не хотел совать нос не в свои дела. Просто я думаю, что твой бывший – полный кретин, и если я когда-нибудь его встречу, то так ему и скажу.

– Это неважно. Он получил, что хотел. Стал доктором в Оклахоме, выдающимся специалистом в своей области. Последнее, что я о нем слышала – он начал ухаживать за дочерью начальника отдела по персоналу. Дерил посчитал ее блестящей партией.

Грант пробормотал ругательство сквозь сжатые губы.

– Полагаю, ты пожертвовала образованием, чтобы работать и обеспечить ему возможность обучаться медицине.

– Да, вроде того, – ее встревожила его свирепость, – вот мой дом, – нервно сообщила она.

Он проводил ее по узкому неровному тротуару до ниши, скрывающей арочную входную дверь. Дом был сделан из темного красновато-коричневого кирпича и украшен белой деревянной резьбой. Трава и кустарники были ухожены, но двор покрылся опавшей листвой двух pekanов, растущих по сторонам от дорожки.

– Чудесно, Шелли, – восторженно проговорил Грант.

– Правда? Мне тоже здесь сразу понравилось. Уже жалею, что после обучения придется уезжать.

– И куда ты отправишься? Есть какие-нибудь перспективы насчет работы?

– Пока нет, но следующей весной начну рассылать запросы и резюме. Думаю, придется обращаться в большие города, чтобы отыскать достаточно крупный банк. Все-таки специальные подразделения для клиенток-женщин могут себе позволить не все банки.

Под конец речи ее голос зазвучал совсем тихо. Ее нервировал его взгляд, неотступно следящий за движением ее губ.

– Спасибо за... – начала она.

– Шелли, неужели тебе совсем не интересно? Ты так и не спросила, почему богатая красивая дочь сенатора совершила самоубийство. Многие считают, что по моей вине.

Вопрос обескуражил ее. Она не ожидала, что он захочет обсуждать причину своего отъезда из Вашингтона вот так сразу и так откровенно. Конечно, ей было любопытно. Целой стране было любопытно. Когда в прессе появилось сообщение о самоубийстве одной из самых впечатляющих вашингтонских красоток, все были в ярости.

За несколько месяцев до смерти у Мисси Ланкастер и Гранта Чапмана завязались близкие отношения. Сенатор Ланкастер из Оклахомы одобрял их казавшийся перспективным роман. Когда девушку нашли мертвой в ее квартире в Джорджтауне, окружавший их пару мыльный

пузырь очарования лопнул. Причина смерти – передозировка снотворного. Грант Чапман был немедленно вовлечен в это дело. Все решили, что он разбил ей сердце, и он был немедленно уволен из администрации сенатора.

Чапман был вынужден подать на сенатора в суд за нарушение контракта. Службы новостей всех телевизионных каналов ликовали. Что может быть лучше обнаженной девушки, найденной мертвой в своей постели с запиской в руке: «Счастье мое, прости, что я слишком сильно тебя любила. Если мы не можем быть вместе, я хочу умереть». Плюс ко всему вскрытие показало, что Мисси Ланкастер была беременна. Публика жадно обсасывала мельчайшие подробности произошедшего.

Грант выиграл дело, но уволился сразу после судебного решения. Возможно, кто-то и назвал бы его подонком, но уж дураком он точно не был. Он прекрасно понимал, что в Вашингтоне его карьера обречена.

– Мне было тебя жаль, – наконец сказала она.

Он резко засмеялся.

– Наверное, в этой стране ты была единственной, кто пожалел *меня*, трусливого подлеца. Разве ты не думала, что слухи могут быть правдой? Что я развращаю девственниц? Или что в утробе самоубийцы погибло мое дитя?

Не выдержав грубости и потока злых вопросов, она сделала шаг назад, и он сразу пожалел о сказанном. Он провел рукой по волосам и тяжело вздохнул, потом посмотрел под ноги, на кирпичный пол крыльца.

– Прости, Шелли.

– Не извиняйся. Я понимаю, как тебе тяжело. Неважно, что произошло между тобой и Мисси Ланкастер – вы оба оказались жертвами.

Он попытался улыбнуться.

– Где только ты была раньше? Мне бы пригодилась твоя поддержка.

– Со временем все пройдет. Люди обо всем забудут.

– А ты?

Он положил книги на край крыльца и приблизился к ней еще на один шаг.

– Что... Что я?

– Забудешь ли ты, что я был вовлечен в скандал с молодой девушкой, хотя хранил воспоминание о другой, которую поцеловал десять лет назад?

Хоть бы одно движение, какой-нибудь звук рассеяли тяжелую тишину, повисшую между ними. Но ничто на свете не могло отвлечь ее от него. Высокий широкоплечий, он заполнил собой все пространство. Она вдыхала тонкий древесный аромат его одеколона, слышала, как сильно бьется его сердце.

– То, что случилось в Пошман Велли, было случайностью, – пролепетала она.

– Да? – мягко спросил он. – Я твердил себе это много лет, но, увидев тебя вновь, мне пришлось признать: скорее всего, это не так. Возможно, я не столь объективен. Возможно, тогда я увидел в тебе женщину, которой ты стала теперь. Шелли...

– Нет! – Он придвинулся еще на шаг, но она отпрянула. – Нет, Грант.

– Почему?

– *Почему?* Потому что обстоятельства не изменились.

– Шелли, это не причина. Сколько тебе лет? Двадцать шесть? Двадцать семь? Мне тридцать пять. Если бы я не был твоим преподавателем и мы бы встретились на коктейльной вечеринке, ты бы не придавала разнице в возрасте никакого значения.

Она сцепила руки, пытаясь унять дрожь. Или чтобы не прикасаться к нему? Удержаться и не убрать у него со лба прядь седеющих волос? Не положить ладонь на лацкан пиджака?

– Дело не в возрасте, а в статусе. Я все еще твоя ученица.

– Это имело значение в Пошман Велли, но не здесь и сейчас. Теперь мы оба совершеннолетние. Я считаю, наша обязанность перед собой и друг другом – убедиться, что тот поцелуй был всего лишь случайностью, а не предвестником чего-то большего.

Он подошел и положил ей на плечи свои сильные руки.

– Пожалуйста, не надо. Молчи.

– Послушай, – страстно заговорил он вновь, прижимая ее к стене, – твое появление в аудитории было словно глоток свежего воздуха. После болота, в которое превратилась моя жизнь, ты стала напоминанием о лучших, счастливых днях. Я всегда помнил тот декабрьский вечер, но в круговороте жизни воспоминания о том страстном порыве потускнели. Узнав тебя, я снова вспомнил переживания и влечение, испытанные десять лет назад. Запретный плод, как известно, сладок. Я хочу поцеловать тебя вновь, Шелли. И пусть моя карьера летит к чертям. Успех и богатство так непостоянны и быстротечны. Что случится, если кто-то осудит нас? Я устал угождать окружающим. Оно того не стоит. Я поцелую тебя, Шелли, и мне абсолютно нечего терять.

Он бережно взял ее за подбородок, повернув к себе ладонью. Она вскинула руки, чтобы оттолкнуть, но лишь вцепилась в его плечи. Он долгим взглядом впился в ее большие, встревоженные глаза и опустил голову.

У него были теплые, уверенные, твердые, но нежные губы. Они склонились к ее губам, действуя так осторожно, что она и сама не поняла, в какой момент ее губы раскрылись навстречу его языку. Она услышала страстный вздох, когда он полностью овладел ее ртом, но не поняла, что звук исходил от нее.

Его язык терся об ее язык, смакуя, внимательно и заботливо исследовал рот. Щекотал ее небо, провел по зубам, проник как можно глубже, не обделяя вниманием ни одну клеточку.

С нее словно упали оковы десятилетней тоски. Ее руки обхватили его за шею, гладили волосы. Десять лет ожиданий и фантазий увенчались поцелуем. Сердце ликовало, колотилось в бешеном ритме охвативших ее эмоций.

Он облизнул ее влажную нижнюю губу и, перехватив воздуха, шумно глотнул.

– Шелли, Шелли... Боже мой... – прошептал он, снова прильнув к ее губам. Его язык вновь устремился в ласковую негу ее рта, на этот раз куда требовательнее. Она ответила с не меньшей страстью.

Он отпустил ее подбородок. Его рука скользнула вниз, и он уверенно обхватил Шелли за талию. Другая ладонь скользнула вниз по спине, прижимая ее к себе все сильнее. В такой интимной позе она явно ощутила затвердевшее доказательство его страсти и была шокирована.

Это ощущение вновь привело Шелли в сознание. Жестокая правда их ситуации разбила буйство страсти, вернув способность разумно мыслить. Шелли оттолкнула его и запрокинула голову назад.

– Позволь, я пойду, – запаниковала она.

Он сразу ее отпустил и сделал шаг назад, освободив путь. Трясущимися пальцами Шелли принялась массировать виски. Испуганный и взволнованный вид явно выдавал ее страдания.

– Спасибо, что проводил. Мне пора.

Она повернулась, но он схватил ее за предплечье.

– Шелли, пожалуйста, не убегай от меня опять.

– Я не убегаяю, – она избегала смотреть ему в глаза, – у меня много дел...

– Убегаешь, – прервал он ее, – в тот раз я не мог последовать за тобой, но на этот раз я не отпущу без объяснения. Я слишком давлю на тебя, слишком тороплюсь? Ты все еще любишь мужа?

Она попыталась засмеяться, но из груди лишь вырвался какой-то странный звук, похожий на хрип. Нездоровое веселье.

– Нет. Поверь, это совершенно не тот случай.

– Тогда в чем дело?

Она посмотрела на него затравленным, усталым взглядом, ее плечи дрожали.

– Грант, – прошептала она полусердито, – ты прекрасно знаешь, почему мы не... Почему это больше не повторится. Я восхищалась тобой, воспринимала тебя как своего учителя с того момента, как зашла в класс десять лет назад. За несколько часов я не могу измениться. В мыслях и фантазиях ты для меня все еще неприкосновенен, вне зоны доступа. И, признаешь ты это или нет, я для тебя тоже.

Он отвел глаза – значит, знал, что она права. Он отпустил ее ладонь и спрятал руки в карманы.

– Грант, у тебя появился шанс построить карьеру заново, и ради этого не стоит рисковать своей репутацией. Правильно?

Его глаза метали молнии.

– Это мне решать.

– Конечно, но за себя я уже все решила. Так продолжаться не может. Это принесет несчастье нам обоим. Это просто неправильно. Мы совершили ошибку. И тогда, и сейчас.

Прежде чем он успел что-либо ответить, Шелли отперла дверь и проскользнула внутрь, громко захлопнув ее за собой. Она стояла, прислонившись к двери, пока не услышала его тихие удаляющиеся шаги.

Столь долго сдерживаемые слезы наконец прорвались наружу.

Глава 3

– Прекрасно выглядишь, Шелли, – пробормотала она, разглядывая в зеркале ванной опухшее от слез лицо. Промокнула покрасневшие глаза салфеткой и умылась холодной водой. Вытершись, приложила велюровое полотенце к глазам, словно пытаешься заслониться от образа Гранта Чапмана.

«Если ты не смогла сделать это за десять лет, почему думаешь, что сможешь теперь?» – спрашивала она себя. Он стал еще сильнее, еще привлекательнее и, как подсказывало женское чутье, еще мужественнее, чем прежде. Как объект юношеской влюбленности, он не казался ей и вполнину таким неотразимым, как сейчас.

Мужчина, которого она не смогла вырвать из своего сердца, вернулся в ее жизнь, и она совершенно не представляла, что с этим делать. Она положила в чашу хлопья, налила туда молока, мысленно ругая себя за то, что записалась в группу к Чапману. В университете учится семьсот студентов. Шансы, что они столкнулись бы где-нибудь на лестнице или в аудитории, ничтожны. Но нет, ей непременно нужно было лицезреть его! Она намеренно устроила им встречи как минимум дважды в неделю.

Ее ужин трещал, хрустел и хлопал, но она не чувствовала вкуса, механически пережевывая пищу. Шелли очень мало готовила с тех пор, как снова жила одна, и в результате сбросила больше шести килограммов, набранных за пять лет в браке. После развода она поклялась, что больше никогда не будет готовить еду для мужчины. Потому что Дерил был ужасным домостроем и, независимо от времени своего возвращения, требовал, чтобы на столе его ждал горячий ужин.

Презрение к себе, ставшей его покорной рабой, вызвало изжогу. Она в гневе вылила половину тарелки в раковину.

– Больше никогда, – поклялась она.

С Дерилом Робинсом они познакомились на вечеринке на первой неделе учебы в институте. Она только закончила школу, и симпатичный студент с медицинского казался пределом ее мечтаний.

После первого танца они пребывали в эйфории и танцевали только друг с другом весь вечер. То, как он уверенно держал себя во время медленных танцев и безупречно вел свою партию, волновало ее. Теперь она была взрослой, была студенткой и могла себе позволить увлечься кем-нибудь. К тому же он покорила ее своей мягкостью – в его действиях не было и намека на агрессию. Ямочки на щеках привлекательного светловолосого юноши придавали ему простодушный вид.

К Рождеству их свидания стали немного более напряженными.

– Бога ради, Шелли, вырастешь ты наконец? – сердито прошептал он, обернувшись на заднее сиденье машины. – Я собираюсь стать врачом. Я знаю, как избежать беременности, если это тебя волнует.

– Дело не в этом, – всхлинула она, – я считаю, девушка не должна до...

– Свадьбы, – резко закончил он с глубоким разочарованием, – откуда ты вообще? Из «Сумеречной зоны»?¹

– Не смейся надо мной и моими убеждениями, – вспыхнула она в ответ, – я такая, и не могу иначе.

Он снова выругался и уставился в окно.

¹ «Сумеречная зона» (The Twilight Zone) – американский телевизионный сериал, созданный Родом Серлингом. Каждый эпизод является смесью фэнтези, научной фантастики, драмы или ужаса, часто заканчивающейся жуткой или неожиданной развязкой. Зачастую герои сериала страдают различными фобиями.

– Проклятье, – вздохнул он наконец, – ты что, хочешь замуж? Я попрошу отца помочь нам с деньгами.

Шелли даже не расстроилась, что в предложении руки и сердца было мало романтики. Она бросилась к нему и обняла за шею.

– О, Дерил, Дерил...

Той ночью она позволила ему снять с себя лифчик и поцеловать груди. Он был восхищен, она же разочарована. Было совсем не так приятно, как она ожидала. Но ведь и мужчина был иной, чем она всегда себе представляла...

А теперь тот самый единственный Мужчина-ее-Мечты вернулся в ее жизнь, и эмоционально она не чувствовала себя сильнее, чем в прошлый раз. Конечно, теперь она стала старше и, наверное, умнее. Но мудрее ли? Она знала, что самым мудрым поступком будет бросить лекции Гранта Чапмана. Но где найти силы это сделать?

* * *

Тщательно все обдумав и вместо учебы потратив многие часы на созерцание пространства, поразмыслив, как отклонить его попытки вновь увидеться наедине, она испытала острое разочарование, когда он ни разу не попытался выйти с ней на контакт.

Ее сердце бешено колотилось, когда она вошла в аудиторию на его лекцию, но Чапмана еще не было на месте. Она заняла свое место в дальнем конце и подсказывала всякий раз, когда открывалась дверь, пока не появился Грант. Его волосы были взъерошены, и весь вид выдавал осадное положение.

– Простите за опоздание, – извинился он и бросил учебные записи и материалы на стол.

Он так и не заговорил с ней. В ней боролись облегчение и досада. Она твердила себе, что следует радоваться, раз он начал вести себя разумно и понял ее чувства. Но тогда откуда такое разочарование?

Она не встречала его в университете, а на следующей лекции он вел себя все так же отстраненно. Лишь когда она проходила мимо его стола, прохладно поздоровался:

– Здравствуйте, миссис Робинс.

На это она ответила еще более холодным кивком:

– Мистер Чапман.

– Ну и черт с ним! – вырвалось у Шелли, когда она выложила стопку тяжелых учебников на кухонный стол. Сбросив с ног туфли, она подошла к холодильнику и дернула дверь. – Он опять сделал это со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.